***

Никогда не отыскивающееся, но вечно искомое,
чьи приметы не вспомнить и не описать внешний вид,
до крови близкое, как летнее насекомое,
чудно-знакомое, как греческий алфавит,
как вся Древняя Греция,
как у Гоголя плеоназм,
волшебное, как эрекция,
инопланетное, как оргазм,
уходящее круто кверху,
но неизменно приводящее вниз,
что же это такое: эхо,
а, возможно, и рифма
тихо подсказывают —
жизнь ...

***

Сплющенный меж мохнатой тьмой и колючим светом ты
всего лишь перепонка колеблемая мембрана и уж конечно не голос
ты искришь на ветру рябишь как поверхность воды меняешь свои черты
за каждой тьмою свет за светом тьма и за средостением еще одна полость
камень слепой тебе шепчет и ангелы многоочитые тебе поют
и ты уже пресуществлен да и так любой ерундою мечен
после таких перемен как еще близкие тебя узнают
ведь расстались утром а сейчас — смотри — почти уже вечер
пожива пастыря пьедестал праведника полигон психиатра персть и прах

сразу же от подошв ты начинаешь граничить с галактикой и вселенной
атмосферный столб циркачом плотно и стройно стоит на твоих плечах
как кренится и рушится он когда исполняется срок твоей оболочке тленной
не раз на дню — как размер стиха — прихотливо изменится твой почерк
совсем не так начнут выглядеть — например — равнина и над ней — например — луна
наверно оттого что пласты земли передвигаются с неиссякающей мощью
словно лопатки совершенно косматого мамонта или совершенно голого слона
ты дробишься, множишься и собираешься вновь один и тот же и каждый раз по-иному
и непонятно как надо (и надо ли) ибо миг и мир (как всегда) уже не таков
ведь первое — вот еще пример — чему поражаешься выходя из дому —
обилию обликов облаков.

ДРУЗЬЯМ

светает истончается и тает тьма
свет это единственное что не может свести с ума
что освещать ему все равно
он льется всегда
здесь бессмысленно слово давно
он льется всегда
здесь бессмысленно слово зря
не так как река состоящая из течения и пескаря
он не знает числа
ему непонятна дата
он отвергает правоту циферблата
все — в остатке — ничто
за вычетом света
надевая пальто мы утверждаем что кончилось лето
ему наплевать что лето переползает в осень
он сам по себе
и сам по себе он очень
мы тоже отдельно но мы
больше зависим от тьмы

а он вездесущ
он любую кость изгрызет изгложет
ося леня сережа
он нас перетрет как часов пружины и оси
леня сережа ося
въедливей лесопилок крепче камнедробилок горячее плавилен
вот он вползает в окна с виду совсем бессилен
что ему чушь григорианского календаря
сережа ося леня
и я

***

Сутулый поплавок в воде увяз по плечи,
намечен чуть пейзаж откосов и лугов.
Какой-то ночедень — не утро и не вечер,
запаяна вода по кромке берегов.
Откосов и лугов, узлов и тайных петель
не отразит вода недвижимой реки.
Все снасти, все крючки, все невода, все сети,
насторожившись, ждут — все снасти, все крючки.
Все сбудется, придет, все вновь на место встанет,
забудется, уйдет и унесет с собой,
останется, пройдет... О, это трепетанье,
удилище творца согнувшее дугой.

ЦВЕТОК

У кладбища, где смерть легка
и жизнь покажется несложной,
цветок искусственный с венка
блестит в канаве придорожной.

Там пчелы радостно гудят,
кипрея розовая пена.
О, как он раздражает взгляд
своею фальшью откровенной.

Моторов хрип да меди лязг
тревожат жаркий день тягучий.
Он, как заноза, впился в глаз
и бередит его, и мучит.

Цветок, шершавый как наждак,
багровый цвет его неистов.
Сама лишь смерть вот так чужда,
как анилиновые листья.

И он под солнечным лучом
в потоке времени влачится.
...Смят ветром, выбелен дождем,
почти живым уже глядится.

***

Отнюдь не подступающая нищета,
а то, что не получается ни черта;
что не входят слово и строчка в паз,
что Ничто вокруг разевает пасть,
что Нигде оказывается тут как тут,
Никогда своих не развяжет пут, -
так мешают жить, как пальца порез:
ушибаешь всегда, куда б ни полез,
хоть в зазубрины времени, чей ход
стучит куда-то наоборот,
уволакивая тебя, как мышь в нору
кухонный трофей: не вру, умру.
Живешь, как в курьезе одной строки,
для запятой не хватает длины руки:
Помиловать нельзя казнить,
вот и утеряна смысла нить,
что-то там про порез и паз
в бред ли, в сон завело рассказ,
только знаю, даже не открывая глаз:
свет стоит в окне, озирая нас.

***

Жил Пьеро на станции Перово,
что по меньшей мере нездорово.
Как в сердцах заметила Мальвина —
жизнь — не развеселая малина.

Оплыла Мальвина и поблекла,
стала не то брюква, не то свекла.
Он и сам утратил тонкость кости
сторожем в Кузьминках при погосте.

И давно к романтике не склонны,
свищут Буратины по притонам,
шушера, Шушара, мишура,
с Карабасом водку пьют с утра.

Песни здесь — на «ды», на «го», на «ду»,
про кирдык и Вологду-ду-ду,
Уч-Кудук, Надым, Караганду...
И Сидур, согнув гранит в дугу,
угадал про эту кергуду.

Я и сам порой здесь появляюсь,
как на фотоснимке проявляюсь,
сквозь метель, сквозь дымную пургу,
сам с собою сладить не могу.

Вечером бреду иль спозаранку,
жизнь свою читаю наизнанку
по своим же собственным следам...

Здесь, в чужих пределах и притинах,
всё ищу волшебную картину,
где очаг затянут паутиной,
где не все уж так непоправимо,
где сверчок в рубашке из сатина
азбуку читает по складам.

***

Тупить конкретно, реально глючить,
попасть на бабки — говно вопрос,
жизнь по-любому тебя ущучит —
в Бобруйск, под плинтус, в Лос-Анджелес.

Что гнуть понты, топырить пальцы,
когда по улицам пошли гулять
туркменский сом, юань китайский,
а с ними вместе япона мать.

Олдовый чел, лох деревенский,
чего со временем тебе делить,
бычок в томате, стул гнутый венский,
моржовый хрен, нажми *delete*.

Лязг, дребезг времени железный.
Над кем смеяться, грустить о ком?
Есть упоение над бездной.
Край. Точка *ru* и точка *com*.

***

Дно колодца мерцает, дробится — то ли
зеркало, то ли глаз кита, на спине которого лежит Земля.
Дом стоит на пригорке, за перелеском пустое поле
да бурун облаков от проплывшего небесного корабля.

Спорят с ветром деревья, вскипают и даже,
выворачивая листву, переиначивают свое естество.
Весь набор: свет и тень, необходимые для пейзажа,
как и прочие — крупные и мелкие — части его.

Циферблат небосвода всегда педантично точен:
по-имперски безлик, облаков принимая парад.
Здесь подробностей нет, лишь сплошное зиянье и прочерк,
ибо точен и сух небосвода слепой циферблат.

Это бездны следы, на лазури ее отпечатки,
это вечности цепкий, недвижно-внимательный взгляд.
Сохраняется все на фасетчатой влажной сетчатке:
никуда не уйдешь, никогда не вернешься назад.

Неподвижно плывут облака, циферблат никогда не проснется,
дом стоит на пригорке, и в этом какой-то расчет.
А река под горой и вода в подземелье колодца
все течет, Гераклит, все течет, и течет, и течет.

***

Я сослан в немоту, туда, где уже давно Макар и телята, где зимуют раки,
где в бубен бьет и старым сухим ребром играет мой ровесник бес,
где в логове слов над листом бумаги согнулся, высунув перо и язык, Акакий
Акакиевич, перебеливая циркуляр, спущенный по инстанциям ему с небес.

Плачь не плачь, утони в слезах, но если, если тебе изменила Муза,
если над притяжением, над упругой волной словесной утрачена власть,
что тебе жар глаголов, тяжесть существительных, клейковина союзов,
и наречий неверная, невесомая и не очень понятная вязь?

Я — ловец и добыча, живу у словесной реки, вдоль ее гужевого потока,
там, где бог из плавучей машины, как капитан Немо,
вываливается и подслеповато щурит глаза,
я бреду вдоль течения, бесполезными жабрами хлопая, как после потопа,
и в обратный бинокль, пролетая, безмолвно глядит на меня стрекоза.

Я молчу, я молчу, я молчу, я молчу, покуда по верхней
стороне воды медленно приближается утлый, угрюмый челн,
и впустую перебираю мережи синтаксиса, трясу грамматики верши:
где откуда куда вот теперь и если впрочем будто и уже ни при чем...